

День клонился к вечеру. Федор Гаврилович не спеша шел с работы домой, задумчиво глядя на багряные листья, которые то и дело падали ему под ноги.

Вот и улица Ленина, просторная, ровная, с рядами светлых, позолоченных закатом окон, здесь Федор Гаврилович начинал свой путь строителя, здесь прошли его первые трудовые будни. Он шел по тем местам, где раньше лежал неприглядный каменистый пустырь, по которому сиротливо гулял ветер.

Под шелест блеклых листьев Касьянов вспомнил, как пятнадцать лет назад приехал в чужой, незнакомый Красноуральск из далекой Башкирии. Он был тогда молодым специалистом, выпускником строительного техникума, и с некоторой боязнью думал: как-то встретят его на новом месте, ведь за плечами ни опыта, ни практики. Одной любовью к самой древней на земле профессии каменщика тут не возьмешь.

Но уже в кабинете начальника строительного управления сомнения его рассеялись.

Рослый мужчина, сидевший за столом, оторвался от бумаг и сказал приветливо:

— Слушаю.

— Вот направление к вам на работу.

Адам Григорьевич Румянцев бегло прочитал глазами листок.

— Специалисты нам нужны. По какому профилю хотите работать?

Федор быстро ответил:

— Хотелось бы на кладке домов.

Начальник КСУ кивнул, сказал просто:

— Идите, оформляйтесь.

В городе строили много, и мастер второго участка с ног сбивался, стараясь попасть на несколько объектов. Не сразу понял Федор Касьянов мудрую пословицу: «За двумя зайцами погонишься...».

Постепенно приновился, вовремя «выбивал» раствор, кирпич, а дело пошло. Умень-

шились простои. Рабочие приободрились, решили: с таким мастером работать можно.

Параллельно с жилыми домами строительное управление начало возводить цех двойного суперфосфата на комбинате. Это стройка для Касьянова стала экзаменом на зрелость, настоящим крещением. Здесь он окончательно поверил в то, что каменное дело—его призвание.

Влюбленность в свою работу, хватка и организаторские способности молодого мастера не прошли незамеченными. Од-

У Л И Ц А Е Г О МОЛОДОСТИ

нажды Румянцев пожал Касьянову руку, как старому знакомому.

— Молодец, умеешь работать. Хватит тебе в мастерях ходить, пора испытать себя на другой должности.

С этого дня началась прорабская деятельность Федора Гавриловича. Дел и забот прибавилось втрое. Нужно побывать на жилье, на закладке сернокислотного комплекса, заглянуть на Пригородный поселок. Приходилось крутиться, как белка в колесе.

А тут заболел и слег в больницу старший прораб, и Касьянову пришлось взвалить на свои плечи дополнительную ношу. Как на грех, в это же самое время на строительстве сернокислотного цеха создалось тяжелое положение: срывались сроки строительства. Федор Гаврилович дневал и ночевал там, на чем свет стоит ругался со снабженцами, распекал нерадивых шоферов. Из-за досок для опалубки чуть в драку не лез.

Как в калейдоскопе летели

дни. Из-за вечных недосыпаний и тревог старший прораб осунулся, похудел, но стал еще упрямее и решительнее.

Жена вздыхала:

— Дома-то совсем бывать перестал.

— Ничего, Надюша,—успокаивал ее Касьянов.— Вот закончим сернокислотный...

Не договаривал, махал рукой, зная, что после цеха снова заложит что-нибудь.

Сернокислотный построен, приемная комиссия подписала акт.

— Ну, сегодня-то вовремя домой явлюсь,—с удовольствием думал Касьянов, предвкушая веселый вечер, проведенный в кругу семьи.

И вдруг телефонный звонок:

— Румянцев это. Вот что, Федор Гаврилович. Сегодня производственное совещание. Чтобы ты был обязательно.

— Вот те раз! Отдохнул сегодня. Ничего не поделаешь, придется идти.

На совещании стоял важный вопрос: кого поставить начальником участка. Долго судили, редили, шумели и спорили, пока кто-то не предложил:

— А почему бы Касьянова не поставить. Человек не по дням, а по часам растет, отличным специалистом стал.

Так и решили: потянет.

Федор Гаврилович стал строить жилые дома, и снова потянулись горячие будни с их нервными ритмами, нерешенными проблемами и усталостью. Зато как радовал глаз новый дом-красавец, веселая суета новоселов у его подъездов. Это, пожалуй, такая же дорогая награда для строителя, как и орден «Знак Почета», полученный коммунистом Касьяновым за труд, безупречный и долгий.

... Сыплет золото листьев под усталые ноги грустная осень, скупо и неярко светит солнце, но невысокий человек в простом брезентовом плаще уже улыбается. Он идет по улице своей молодости.

П. РУСИН,
стропальщик.